

ЭШЛИ ДЬЮАЛ

СВОБОДНЫЕ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2022

УДК821.161.1-31
ББК84(2Рос=Рус)6-44
Д92

Художественное оформление *Константина Гусарева*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Maikova / Shutterstock.com;

В оформлении 4-й стороны обложки использованы иллюстрации:

© Artem Stepanov, str33t cat / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Дьюал, Эшли.
Д92 Свободные / Эшли Дьюал. — Москва : Эксмо,
2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-160224-6

Жизнь Зои кардинально меняется после смерти матери. Переезд в большой город. Знакомство с отцом, которого она никогда не знала. Первая любовь.

Учеба в элитной школе, открывающей перед выпускниками все двери. Общение с капризными детьми родителей-миллионеров.

Зои закручивает в водовороте событий.

Вот только она еще не знает, насколько опасными бывают игры богатей.

А добиваться справедливости в городе, где все решают деньги, значит подписать себе смертный приговор.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160224-6

© Дьюал Э., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2022

Стань для меня ветром

ГЛАВА 1

Я выпадаю из автобуса потому, что толстая, вонючая старуха со всей силы толкает меня локтем прямо по ребрам. Господи, клянусь, сейчас я накинусь на нее с кулаками и отыграюсь на ее провиснувших боках по полной программе, ведь в этой консервной банке мне пришлось ехать больше получаса и ничего человеческого в моих мыслях не осталось. Однако автобус болезненно кричит, выпускает мне прямо в лицо черную дымку из едкого, мерзкого запаха и благополучно уезжает, а я так и стою посреди остановки, злая, разочарованная и уставшая.

Так, Зои. Дыши, возьми себя в руки. Скоро ты будешь дома, завтра выходной, и ничто не помешает тебе «пуститься во все тяжкие», пусть ты совершенно и не понимаешь значения этого модного оборота. Ну, или, что кривить душой, понимаешь, просто не практикуешь.

Вздыхаю и срываюсь с места. Не хочу бежать, но удовольствие так и тянет меня за руки в сторону старого, дешевого заведения с отвратительным названием «Золотые куколки». Мама работает там уже больше трех лет. Зарабатывает неплохие деньги. Наверное, мне должно быть стыдно, ведь в ее профессии нет ничего хорошего, почетного или достойного. Но мне плевать. Едва я вспоминаю свои безумные, исступленные галлюцинации от голода, как тут же разделение на хорошие и плохие деньги испаряется само собой, ведь выбирая между достойной смертью и банальным выживанием — все мы выбираем вто-

рое, и тут уж не важно, кто ты, важно, насколько сильно жизнь тебя потрепала и как глубоко она успела воткнуть в тебя свои когти. Эти когти сжимают мне горло. Маму же эти когти стиснули со всех сторон. Я понимаю: рыпаться она не в состоянии, поэтому и не жалуясь на ее методы работы, на ее способы и пути достижения наших общих целей. Все меня устраивает, и, поверьте, ни на что я не собираюсь сетовать. Однако сейчас я злюсь так сильно, что могу расплавить дверь бара одним лишь своим взглядом.

На часах половина восьмого. Мамина смена закончилась еще утром. И мне безумно интересно, чем же она таким занимается, что пропала почти на целые сутки. Крепко стискиваю зубы: да, черт, да, я догадываюсь, куда же моя проблемная мать опять подевалась. И все же мне хочется верить, что я искренне заблуждаюсь. Ведь не всегда сюжетные клише работают. Порой человек вынужден заниматься тем, что ему несвойственно. Распахиваю дверь клуба, пробегаю мимо круглых, высоких табуреток — на них золотые куколки такое вытворяют, что даже мне не по себе становится, — и бесцеремонно врываюсь в гримерку. Что ж, а иногда этот человек занимается как раз таки тем, что паразитически ему подходит.

— Мам, — восклицаю я и расстроено хмурю лоб. Успокойся, успокойся — повторяю про себя, а внутри буквально стораю от злости. Мама лежит на ободранном диване, рядом с ней еще две женщины, которым едва ли за тридцать. Однако их лица так осунулись и состарились, что этим красоткам можно дать все сорок, и меня искренне поражает, как же быстротечна юность в руках у тех, кто ею пользоваться не умеет. Высокая, сочная брюнетка — собственно, моя дорогая мать — поднимается с кушетки и вытирает измазанные в туши глаза.

— Зои, что ты здесь делаешь?

— А ты?

Женщины постанывают. Одна из них сонно переворачивается и роняет на линолеум пустую бутылку из-под дешевого спиртного. Приходится пару раз откашляться, чтобы продолжить логично мыслить.

— Уже половина восьмого. Я волновалась. — Облизываю губы. — Ты же обещала.

— Все, все, прости, это в последний раз. Честно! — Она машет в сторону уродливых красоток и повторяет: — В последний. Мы поболтали, еще и чаевые были хорошие, а потом...

— Ладно. Одевайся. Я жду снаружи.

— Зои.

— Одевайся.

Искоса смотрю на блестящее, кружевное боди, прикрывающее лишь малую часть того, что вообще должна прикрывать одежда, и выхожу из комнаты. В баре пусто — для оголтелых нимфоманов слишком ранний час. Всеми силами пытаюсь прогнать с глаз ту картинку, когда моя мать в этом шикарном боди танцует на высоком табурете. Интересно, скольких же мужчин она сумела пленить, нацепив на свое тело эти блестящие нитки? Отвратные мысли. Правда в том, что моя мать не нуждается в эротическом белье или вульгарном корсете для того, чтобы привлечь чье-либо внимание. Без макияжа, в свитере и джинсах она выглядит так, как хотела бы выглядеть я. И не только сейчас, а вообще. Жаль, что существует та часть мамы, о которой никто даже не подозревает. Ведь вряд ли эти скупые кретины, засовывая ей в трусы десятки мокрых бумажек, понимают, что перед ними не пустоголовая шлюха, а толковая женщина.

— Зои, что, мамочка опять надралась?

Владелец бара никогда не отличался тактом. Но от него и не стоит ждать снисхождения, ведь даже жизнь над ним ни капли не сжалилась, одарив кривыми, грубыми чертами лица и толстым брюхом, как у каракатицы. Я улыбаюсь так мило, как только могу, и отвечаю:

— Не ваше дело.

— Она мне пять косарей должна. Напомни, слышишь, сопля? — Он подходит ко мне. Грозит пальцем, и я изо всех сил стараюсь держать себя в руках. Не стоит ждать от людей того, что им несвойственно. Например, вежливости от тупого барана.

— Я скажу.

— Умница. Вся *не* в маму. Пожелай ей *плохого* дня и передай, что я жутко ее *ненавижу*.

Он уходит, а руки все чешутся. Убираю с лица волосы и как-то обреченно осматриваюсь: клуб небольшой, со сценой и двумя пилонами. Возле круглых столиков — табуреты, и уже в который раз я думаю о матери, изгибающейся на этих подмостках именно так, как требуют покупатели. Стань шире, закинь ногу, прогнись, подойди ближе...

— Зои, пойдем.

Мама появляется со спины. Рассеянно хватает меня под локоть и тащит к выходу. На ней бежевое пальто, волосы собраны в тугий хвост. Косметику она стирала так усердно, что сейчас на щеках и под глазами остались красные подтеки, и я невольно прикасаюсь к мелким ранкам кончиками пальцев.

— Не нужно так тереть.

— Без разницы. — Она нервно дергает головой, и моя рука падает вниз. Мы выходим на улицу, идем к поддержанной, длинной «Хонде». Почему-то все мое недовольство исчезает, едва я вижу перед собой ту маму, которая дула мне на коленки, сушила волосы, учила готовить яблочный пирог. Странно, как же человек может сочетать в себе такие поразительно непохожие вещи. И ведь всему виной это банальное желание жить: жить лучше. Мы отчаянно верим, что где-то кому-то гораздо легче, чем нам. И мы стремимся к идеалу, которого на самом деле не существует. — Ты зачем приехала?

— Я волновалась.

— Я сама могу о себе позаботиться. Не надо меня контролировать, Зои.

— Я не контролирую, просто тебя долго не было. А ты пообещала...

— Знаю, знаю. — Она раздраженно достает из сумки ключи. Обходит машину, стуча по мокрому асфальту каблуками, и ловко запрыгивает в салон. Уже внутри она продолжает: — На моей работе тебе делать нечего.

— Хватит, а? Я же сказала, что просто не могла найти себе места. А ты, кстати, должна была прийти еще утром. Сейчас сколько времени? Сколько? — Пожалуй, я нагло пользуюсь тем, что мама для меня скорее подруга, нежели родитель. Разница в возрасте у нас смешная. Она узнала о беременности, едва ей стукнуло семнадцать, а мой отец — или как еще называют человека, чье семяизвержение предопределило твое рождение, — исчез практически в ту же секунду. Вот вам и конец судьбоносного уравнения: молодость плюс любовь определенно не равняется счастливому будущему.

Мама резко выворачивает руль, и машину неуклюже ведет в сторону. Выгибаю бровь:

— Ты в порядке?

— Конечно в порядке. Просто терпеть не могу, когда ты меня не слушаешь. Не надо тебе шляться у меня на работе, уяснила? Ты не должна там находиться. Не должна видеть меня в таком виде.

— Перестань.

— Не перестану. — Она отрывает взгляд от дороги. Смотрит на меня серьезно и вроде как пытается запугать, но я вижу лишь красивую женщину с пухлыми губами и широкими, острыми скулами. С едва заметными ссадинами от жесткой мочалки. С синяками под глазами от бессонной ночи. — Жди, звони, но бар обходи стороной. Я не для того терплю застрявшие в заднице стринги, чтобы ты забегала к нам на огонек.

— Боже, тогда перестань пить с этими проститутками.

— Думай, что говоришь!

— Мам, брось это.

— Разговор окончен.

— Почему?

— Потому что я так сказала. Не хватало, чтобы ты мне еще нотации читала. Зои, это не твое дело.

— Я просто хочу, чтобы ты...

— Что? — Она вновь бросает на меня дикий взгляд и пожимает плечами. На ее губах ярко-алая помада. Единственный штрих, от которого она никогда не избавляет-

ся. — Чтобы я стала лучше? Изменилась? Я классно провела время, и мне хочется и дальше его так проводить. Это не конец жизни, я не обязана сидеть дома, напевая тебе колыбельные, так ведь? Ты же у меня уже взрослая, вот и дай мамочке пожить.

— Это просто невысказано! Живи, пожалуйста, ради бога. Только не надо сходить с ума и...

— Хватит.

— Но я правда волнуюсь.

— Волнуйся сколько влезет, а на работу ко мне не суйся. Услышала?

— Но...

— Услышала?

Недовольно скрещиваю на груди руки. Разве это честно? Так и хочется закричать: ты же моя мама! Ты должна понимать, что упиваться в компании каких-то шлюх неправильно! И жить так неправильно! Ладно, да, нам нужны деньги. Для того и приходится работать в этом мерзком баре. Но чтобы от этого еще и удовольствие получать? Отмечать выманенные кружевными трусами деньги? Тратить их так беспечно, будто дома в лишней сотне никто не нуждается? Нет, этого я определенно не понимаю.

— Что? — бросает она, наверняка увидев мое перекошенное от недоумения лицо.

— Ничего.

— Зои, прошу тебя.

— Я молчу.

— Пожалуйста, солнышко, я не хочу ссориться.

— Мы и не ссоримся. Все в порядке. — Вздыхаю и поражаюсь, как же она так быстро сумела успокоиться и переключиться на Мисс Заботливая Мама. Может, действительно есть особая кнопка? — Ты не думала о том, что я не вмешиваться хочу, а просто пытаюсь помочь?

Мама опять не смотрит на дорогу. Встречается со мной взглядом и усмехается.

— Когда за плечами столько ошибок, надеешься, что хотя бы дети сумеют их избежать. И я знаю, ты лучше меня, умнее. Поэтому не ходи за мной, а иди своей дорогой.

— Мам, я обожаю тебя, но я боюсь. Этот алкоголь, он...

— ...средство против многих неприятностей. Я не помню себя в твоём возрасте, вот и пытаюсь наверстать упущенное.

— Упущенного не наверстаешь.

Мама вдруг искренне смеется. Отрывает правую руку от руля и игриво взъерошивает мои и так спутанные волосы. Хихикает:

— Ну, голова же! Откуда такие мысли? Не в отца, зуб даю! В меня, что ли?

Наконец улыбаюсь.

— В кого ж еще. Идеальная мамочка, — сжимаю ее пальцы.

— Солнце, прости, что сорвалась. Не могу видеть тебя в баре, хоть тресни. Это как ножом по сердцу, понимаешь? Ты еще и застала меня в таком виде. Боже. Если решишь найти себе новую мамашу — я возражать не стану. Честное материнское!

— Нарываешься на комплименты, да?

Мама улыбается, широко, искренне. И это последнее, что я вижу, прежде чем нашу машину таранит нечто гигантское.

Успеваю уловить в воздухе чей-то крик. Думаю, он мой. Но кто знает? С мамой голоса у нас схожи. Может, это она мне что-то сказала? А затем мне жутко больно, будто разом все тело разламывают на две части. Я давлюсь собственным ужасом и отключаюсь.

Не знаю, сколько проходит времени. Открываю глаза и тут же испускаю болезненный стон от пронзившей все тело дикой боли. Темно, мне темно! Я пытаюсь дотянуться руками до лица, но не могу даже пошевелиться и мычу нечто несуразное, ерзая головой на сиденье. Что происходит? Где я? Что за запах? Мама? Где ты? Почему ты не смотрела на дорогу? Почему я тебя отвлекала? Грудь разрывается от рыданий, которые не способны выйти наружу, и я только и делаю, что верчусь, стону, опять верчусь. Наконец высвобождаю руку из-под какого-то тяжелого, острого куса металла и смахиваю с глаз черную пелену.

Она липкая. Смахиваю еще раз и понимаю: это кровь. Она везде, повсюду! Течет по моему лицу, щекам, подбородку, капает на перевернутую крышу автомобиля. Перевернутую... Нас протаранили.

Нас могли убить!

— Мам, — хриплю я. В горле, будто тысячи осколков. — Мам! Мама!

Я тяну к ней свободную руку и вдруг замираю. Кажется, это ее лицо. Оно тоже липкое, и оно жутко холодное. Не знаю, что именно в тот момент до меня доходит, но я вдруг взрываюсь таким плачем, что разбитые окна в машине неприятно и тягуче дребезжат. Извиваюсь изо всех сил и отталкиваюсь сдавленными ногами от пола.

— Нет, нет! Мама! — Опять касаюсь пальцами ее сплвшихся волос. — Мама! Я сейчас, мам!

Во рту скапливается кровь. Я выплевываю ее, а она вновь катится вниз по моему горлу. Наконец просыпаются слуховые рецепторы: я слышу визг запоздалых сирен. Затем включаются вкусовые рецепторы: кровь на вкус ржавая и прокисшая, как компот. А потом в себя приходит обоняние, и я ощущаю этот мерзкий, тяжелый запах гари, крови, резины, и в голове все смешивается. Я реву, реву, извиваюсь, бью ногами дно машины, будто это как-то сможет мне помочь. И я ору так неистово до тех пор, пока меня не вытаскивают из салона чьи-то сильные руки.

Меня уносят прочь от изуродованной, смятой «Хонды», а я тяну ту единственную здоровую ладонь обратно к маме и плачу. Я кричу, прошу отпустить меня, говорю, что должна увидеть ее, спасти ее! А они не слышат. Все отдаляются и отдаляются. И перед моими мутными глазами остаются лишь куски прошлой жизни: куски нашей подержанной машины, куски неба, куски фонарных светлых пятен. Я обессиленно откидываю назад голову, смотрю вверх — на эти тусклые, мелкие звезды. Спрашиваю себя: что теперь будет? И вместо ответа, подкатившего к горлу в виде сотен, тысяч горячих слез, падаю в бесконечную, черную дыру.

ГЛАВА 2

У меня не было своей комнаты, поэтому и вещей мало. Все поместилось в одну большую черную сумку, подаренную маме каким-то ухажером в надежде, что она начнет путешествовать или, может, куда-то с ним уедет. Однако едва мужчины узнавали, что вместо двух фигур в их романе будет присутствовать третья, они тут же испарялись, оставляя после себя лишь эти нелепые, ненужные подарки. Так что удивительно, что сумка оказалась полезной. Прочий хлам, то есть декоративные вазы, набор желтых чашечек, пепельница в виде голой русалки — мама в жизни не притрагивалась к сигаретам, — уродливые настенные часы, два фикуса, три азалии: все это я оставляю за порогом съемной квартиры, даже не моргнув глазом. В этих вещах нет смысла. В этих вещах лишь одни воспоминания. А я не хочу ни о чем помнить. Хочу потерять память, абстрагироваться и забыть о тех днях, когда что-то для меня имело значение.

Я решительным шагом спускаюсь по лестнице, выбегаю на улицу и сильно кусаю губу. У подъезда уже ждет машина. Социальный работник — сорокалетняя, миловидная блондинка в сером, прямом пиджаке — стоит возле левого крыла «десятки» и одаряет меня снисходительным взглядом. Пожалуй, это единственный человек, с которым я перекинулась хотя бы парой слов после аварии. Она забирает из моих рук сумку. Кидает ее на заднее сиденье и кивает мне в сторону передней двери. Я послушно усаживаюсь в салон.

— Ты всегда можешь мне позвонить, — говорит она, заводя «десятку». Ее ногти аккуратные, покрытые блестящим лаком. И я бы решила, что она хорошо зарабатывает, если бы не знала о том, сколько платят тем, кто в нашей стране делает хотя бы что-то полезное. — Зои, ты меня слышишь?

— Да. Слышу.

Смотрю в окно — раннее утро. Мой родной город исчезает из вида. Дома, пейзажи, люди, машины — все это